

УДК 37.013.43

DOI: 10.21209/2542-0089-2018-13-5-89-97

Юлия Юрьевна Левданская¹,*кандидат педагогических наук,**Забайкальский государственный университет**(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),**e-mail: art-koltsova@yandex.ru***Наталья Николаевна Попова²,***кандидат педагогических наук,**Забайкальский государственный университет**(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),**e-mail: nnp18@mail.ru*

Образ родительства в национальной традиции семейного воспитания

В контексте постнеклассической науки анализируется дискурс родительства на основе идей синергетики, холизма и принципа открытости системы научного знания с позиции дополненности. Показана тенденция исследования образа родительства с учётом изменения типа культуры. Авторы аргументируют необходимость осмысления родительства в понятиях «семья», «личностный образец», «социально-антропологическая целостность» на основе выявления культурных универсалий данных понятий в отечественной культуре и истории философско-педагогической мысли, актуализирующих аксиологическую проблематику, основанную на идее возрождения традиционных семейных ценностей, духовной традиции их понимания. Родительство рассматривается как составляющая системного процесса изменения общества и самореализации людей в целостности «общество – семья – родительство – человек», что соответствует представлениям о современной онтологии социальности, социальной реальности, выражающей системную целостность различных общественных процессов в их родовой исторически устойчивой инвариантной сущности. Делается вывод о том, что проблема родительства связана с решением вопросов о целостности личности и её антропологической подлинности как укоренённости человека в системе отечественных ценностей и мировоззренческих универсалий национальной культуры, что в российском контексте может быть продуктивно решено в контексте рецепции идей русской религиозной философии в современном научном знании.

Ключевые слова: культура, родительство, семья, личностный образец, ценности, социально-антропологическая целостность

Введение. Проблематика исследования педагогических образов в дискурсе идеалов воспитания неизбежно связана с постановкой вопросов о цели образования/воспитания и представления о результате педагогической деятельности, о соответствии этих образов культурным идеалам эпохи. По мнению многих исследователей гуманитарных наук, в условиях трансформирующегося общества и модернизирующегося образования культура должна стать целью и средством воспитания личности, развития общества в целом (А. В. Рогова, Т. А. Ромм, Ю. В. Сенько и др.) на основе доказанной закономерности взаимосвязи процессов вос-

питания и культуры (А. В. Рогова), что представляет собой культурологический аспект исследуемой проблемы. В свою очередь, её человекоразмерный контекст требует также необходимости обращения к идеям антропологического подхода с целью выявления включённости человека в культуротворческие процессы, определения их смыслов как «человеческого измерения историко-педагогического знания» (К. Д. Радина). Вместе с тем, формы познания историко-педагогической действительности в постнеклассической рациональности предлагают схемы её понимания на основе идей синергетики, холизма, а принцип открытости системы научного зна-

¹ Ю. Ю. Левданская разрабатывает концепции статьи, систематизирует и анализирует материалы, формулирует выводы, отвечает за написание и оформление статьи.

² Н. Н. Попова систематизирует и анализирует материалы, участвует в оформлении статьи.

ния с позиции дополнительности позволяет использовать потенциал существующих методологических подходов, не отвергая, а дополняя их друг другом (М. В. Богуславский).

В контексте вышесказанного интерес представляют педагогические образы, имеющие универсальное распространение, свидетельствующее об их глубоких корнях в историко-культурном процессе [14], в то же время, показывающие специфику национально-самобытного решения философско-педагогических проблем, поскольку формы проявления культурных универсалий в разных культурах различны [23]. Более того, по мнению В. С. Стёпина, стратегии деятельности с человекоразмерными системами способствовали новому типу интеграции истины и нравственности, поэтому постнеклассическая наука органически включает в свой дискурс практическую мудрость традиции в связи с необходимостью привнесения в сферу науки нравственных и этических категорий, формируя рефлексивное поле целостного видения мира, свойственного нашим предкам.

Методология и методы исследования. Понятие «образ» обладает эвристической ценностью при исследовании гуманитарных проблем, отмечает Т. А. Ромм. Использование понятийно-категориальной конструкции теоретических «педагогических образов» воспитания в контексте культурологического подхода приобретает значение общетеоретического основания для исследования проблем, связанных с воспитанием человека. Оно продуктивно в педагогике вообще, поскольку парадигмальная непротиворечивость и целостность теоретического образа обеспечивается совокупностью его структурных характеристик (ценностно-целевой, содержательной, операциональной) и возможностью применения нормативно-интерпретативного общенаучного подхода в постнеклассической научной рациональности, что создаёт методологическую конструкцию, позволяющую обосновывать и удерживать объективный и субъективный планы познаваемой действительности [16]. Принцип историзма отражает культурологические механизмы изучения историко-педагогических феноменов в развитии с учётом влияния контекстов, в том числе, антропологических, в которых происходило это развитие.

Результаты исследования и их обсуждение. На основании положения, сформулированного Л. А. Чёрной о том, что в

основании понимания сущности любой культуры ключом к её расшифровке является человек как специфичный антропологический код, обратимся к философско-антропологической периодизации русской культуры данного автора, определяющей периоды «Тела», «Души», «Разума» и «Экзистенции». Культурно-исторический процесс в этом контексте предстаёт как движение от «внеличностного» (теоцентрического) типа культуры к «личностному» (антропоцентрическому) при наличии одновременно обоих, но доминанте одного: «телесности» – в язычестве, подчинённости душе – в Средневековье, «разумности» – в Новое время, «экзистенции» – в Новейшее время [22]. Национально-самобытная уникальность культур вносит коррективы в темпы её развития, происходит преобладание того или иного типа в каждом из периодов, при этом переходные периоды представляют наибольший интерес с их особой плодотворной функцией в развитии культуры (Ю. М. Лотман).

В древнерусской культуре период «Тела» приходится на язычество. Обратимся к народным представлениям о сущности родительства того периода, эксплицированным в фольклоре и языке, отражающим социальную историю народа [4–6], специфичность трансформаций культурных универсалий.

Педагогичность русского фольклора, отмеченная М. Г. Королевым, обусловлена почитанием родителей как древнейших архетипических образов Неба-отца (Перун, Род, Сварог, Стрибог) и Матери-земли (Мокошь, рожаница), определивших устойчивые идеалы матери и отца в коллективном бессознательном, их культа, связанного с запретами нравственно-этического характера, ритуально-мистическими обрядами для защиты своего ребёнка, требованиями почитания, характерными для язычества, что определило в дальнейшем весь традиционный семейный уклад и идеал родительского воспитания [5; 22]. Дуализм их образов нашёл выражение в заговорах, поговорах, обрядовых действиях. Сила является характеристикой образа отца, который ответственен за своих детей с одной стороны, а с другой – волен распоряжаться их судьбами [5]. По мнению К. Юнга, данный архетип определяет отношение к разуму, закону, государству, мужчине, Богу, власти. Всё, что связано с плодородием и ростом, воплощает архетип матери с присущими ему качествами: добротой, заботой, духовным возвышением, мудростью.

Анализ фольклорных произведений, посвящённых воспитанию детей и родительству, позволил Л. А. Грицай выявить, что ценность семьи рассматривалась как общность всех её членов, определяя процесс преемственности поколений в сохранении и трансляции духовно-нравственного и хозяйственного опыта [5]. Данные воззрения показывают специфику древнерусских коллективных представлений в идеях соборности, безусловного примата коллективного начала над личностным, что подтверждается этимологией общеславянских понятий «род», «лес», «свобода» [11; 22; 23].

Предполагая причины появления поговорок о сложности многодетности как тяжёлого бремени, допускающего смерть одних детей как необходимое условие для выживания других, Л. А. Грицай выделяет социально-экономический фактор, определяющий невозможность для простого человека прокормить очень большую семью, и коллективистскую направленность ценности детей, когда значимым был не конкретный ребёнок, а дети как целостность [Там же]. Среди методов родительского воспитания автор выделяет наказание, принуждение и поощрение. При этом наказание – необходимый метод воспитания, средствами которого являлось запугивание образами нечистой силы, наказание словом и физически: «Плеть – не мука, а впредь наука» [5]. Исследователями предполагается, что телесные наказания и запугивание детей, возможно, выполняли функцию сохранения жизни, когда родители не могли обеспечить постоянный присмотр [5; 6]. Методы поощрения носили как словесный характер, так и материальный, хотя чрезмерное поощрение подвергалось осуждению: «Засиженное яйцо всегда болтун, занянный сынок всегда шатун, отцу-матери не кормилец» [6]. Идеал родительского воспитания определял образ воспитуемого – личностный образец (А. П. Булкин, М. Оссовская), отвечающий социально значимым добродетелям (нравственность, послушание, верность роду и семье, трудолюбие). Социально поощряемые характеристики сына – физическая сила, трудолюбие, ум, послушание, способность прокормить родителей в старости, а дочери – трудолюбие и послушание [5].

Культура периода «Тела» (внеличностного типа культуры) формировалась на протяжении тысячелетий в соответствии с идеей целостности в её специфичном варианте

рассматриваемого периода – всеединства, соборности, всеобщей телесности. Л. А. Чёрной отмечается, что глубоко укоренённые, данные принципы остались в коллективном сознании народа, не переставшего видеть себя и мир сквозь призму телесного начала, что сказалось на дальнейшем своеобразном варианте христианской культуры [22]. С принятием христианства душа становится доминантой понимания человеческой сущности, а культура превращается из культуры «Тела» в культуру «Души», складывается понятие «душеполезность» [Там же]. Тема души, смысла жизни будет преобладающей в русской мысли на протяжении всей дальнейшей истории: и в культуре «Разума», начавшейся в XIX веке, и в периоде кризиса человека «Разума», названного Л. А. Чёрной периодом «Экзистенции», и в современном переходном периоде XX – начала XXI века.

Дальнейшая семейная проблематика в дореволюционной России доминировала преимущественно в русле религиозной философии, создавшей духовную традицию понимания семьи, родительства в аспекте разработки деятельностного характера идеи целостности [1; 12; 17; 21].

Конструктивная роль веры признана постнеклассической рациональностью (В. С. Степин, В. Г. Буданов и др.), поэтому обратимся к выявлению базовых теоретико-методологических элементов русской религиозной философии, связывающей основания семьи с духовной культурой, религией, смысложизненными семейными ценностями, отличными от представлений западного христианства, обозначенных Я. В. Бондаревой, в аспекте которых строился и весь дискурс семьи и родительства [2]. Принцип трансцендентности подчёркивает существование Бога по другую сторону созданного им бытия; принцип единства веры и знания постулирует их взаимное соотнесение, восполнение разума через веру; смысл принципа христоцентризма раскрывает амбивалентность образа и подобию Божьего в человеке и идею боговоплощения – обожения человека. Данная мысль – основа христианской антропологии, раскрываемая посредством принципов свободы, синергии, душевно-телесной целостности; антропологических принципов как производных от системообразующего принципа всеединства (В. С. Соловьёв); символического реализма (представленность Бога в мире в энергийных символах, знаках), свобо-

ды (как условие обожения, понимаемое в направлении к соединению с Богом, добру, познанию, творчеству, самоопределению), соборности, церковности [2]. Н. В. Соколюк доказывает, что русская религиозная философия, в противовес рационализированной западноевропейской философии, рассматривает родительство не как конкретный феномен, а как широкую онтологическую проблему в понятиях всеединства, гармонии, софийности [20].

Философско-религиозный взгляд на семью как малую, «домашнюю церковь» сформулирован в работах Св. Тихона Задонского и митрополита Московского Филарета, согласно которым в семье как онтологической целостности познаётся полнота божественной жизни через воспроизводство нравственных ценностей: веру, святость, любовь, родительство, целомудрие, смиренномудрие, духовное и плотское единение супругов, почитание родителей, милосердие, терпение, труд, – что и определяет деятельность природу любви брачно-семейных отношений [1; 3].

По мнению С. А. Блиновой, в системе взглядов на семью (религиозных, аксиологических и социальных) в отечественной религиозной философии конца XIX – первой половины XX века доминирующая идея о воссоздании целостности личности посредством любви, реализуемая в ортодоксально-богословском (С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, П. А. Флоренский и др.) и философско-платоническом (В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, З. Гиппиус, Б. П. Вышеславцев и др.) течениях, обретает цельность в идеях Б. П. Вышеславцева, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, Г. И. Шиманского о единении полов в супружеской любви как высшем её проявлении и способе познания божественной сущности [1].

Идея брачной любви как любви истинной, через которую познаётся божественная сущность, истина (П. А. Флоренский), осуществляется духовное восхождение силой Эроса, преображение низшего в высшее (Б. П. Вышеславцев) находится в основании концепции семьи в русской религиозной философии [3]. Н. Ф. Фёдоров полагал, что такая любовь способствует преодолению смерти посредством восстановления единства поколений. В. С. Соловьёвым цель семьи усматривалась в усовершенствовании человеческой природы; брачно-семейные отношения

видятся философом как серьёзная духовная работа, осуществление высшего образа в каждом из супругов, а деторождение является счастьем. В. В. Розанов, развивая идею В. С. Соловьёва об андрогинном преображении пола как трансформации плотского единства в союз духовный, считает, что не семью нужно регулировать браком, но брак регулировать семьёй. В семье происходит чадо-зачатие (главный трансцендентно-мистический акт), чадо-вынашивание, чадо-рождение, чадо-воспитание, в чём и состоит предназначение семьи и в этом смысле она, по мысли Г. И. Шиманского – первоначальная школа благочестивой добродетельной жизни. И. А. Ильин трактовал семью в качестве исходной ячейки духовности и первоосновы родины, требующей ответственного совместного творчества на основе духовного единения. В. В. Зеньковским сформулирована трихотомия цельности как единство духовной, социальной и биологической сторон бытия, находящее своё предельное выражение в семье. Идея целостности С. Л. Франком, П. А. Флоренским рассматривалась в триаде «тело – душа – дух» [1]. Г. А. Кондратова считает, что вопрос о целостной природе человека связан также с отношением человека к трансцендентности и с решением проблемы целостности исторического процесса как способа его родового бытия [10].

Анализируя контекст усвоения, присвоения, интериоризации ценностей, выделенных исследователями в отношении специфических и неспецифических функций родительства, можно заключить, что в русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX века к ценностям родительства относятся: духовные (любовь, целомудрие, вера, добро, достоинство, уважение, истина, благо, надежда, красота, соборность, святость, верность, благочестие, самоотвержение, любовь как единение мужчины и женщины в семье); социальные (дети, материнство, отцовство, кровное родство, единобрачие, чадородие, многочадие, жертвенность, мужественность, женственность, забота, взаимное уважение, терпение, дом, семейный уклад, традиции, обычаи, Родина, гражданственность, свобода). Резюмируя, можно заключить, что понимание сущности семьи и родительства в русской религиозной философии периода второй половины XIX – первой половины XX века, обусловленное философско-педагогическими исканиями пред-

шествующих периодов, рассматривалось как проблема онтологическая, представленная в смысложизненных экзистенциалах человеческого бытия: духовности, свободы, ответственности, долженствования, целостности личности в целостности бытия, становления внутреннего человека, основным содержанием которой является духовно-нравственное изменение личности ребёнка «по идеалу». Подготовка к нравственному выбору; связывалась с пониманием семьи как части отечества, ответственной за преемственную связь поколений, как нравственной основы общества, в которой осуществляется восстановление душевно-телесной целостности человека посредством практики супружества и родительства. Цель и предназначение семьи раскрывается в деятельной природе родительской любви.

Важно отметить, что проблема целостности человека являлась центральной в контексте разрабатываемых идей семейного воспитания в русской философско-педагогической мысли общественного движения 60-х годов XIX века в русле антропологического подхода (Н. И. Пирогов, П. Г. Редкин, К. Д. Ушинский, В. П. Вахтеров, М. И. Демков, П. Ф. Каптерев, П. Ф. Лесгафт и др.). А. В. Рогова пришла к выводу, что в основу антропологического подхода в истории русской педагогики положена идея целостности человека как развития «человека внутреннего», способного к духовному самопознанию, саморазвитию и самосовершенствованию [15].

Решая проблему выявления сущности целостности как системы, обратимся к концепции социально-антропологической целостности В. Н. Сагатовского, которая позволяет включить родового человека как природно-метафизическое основание в систему отношений общество – человек [18], что соответствует избранной методологии исследования. В. Н. Сагатовский считал, что самопрограммируемую, целеполагающую систему можно назвать социально-антропологической, когда цельность её подсистем задаётся амбивалентностью социального и антропологического. Эта амбивалентность заключается в том, что социальная сторона не может существовать вне деятельности отдельных людей, а антропологическая сторона не может освоить и присвоить социальную (надбиологическую) программу образа жизни вне процесса социализации, инкультурации, того, что существует в виде «второй природы» [Там же].

Интерпретация «родительства» в этом контексте помогает исследовать его как составляющую системного процесса изменения общества и самореализации людей в целостности «общество – семья – родительство – человек», что соответствует представлениям о современной онтологии социальности, социальной реальности; продиктовано стремлением выразить системную целостность различных общественных процессов в его родовой исторически устойчивой инвариантной сущности [Там же].

На основании взглядов В. Н. Сагатовского семья представляет собой социально-антропологическую целостность, а «родительство» – целеполагающую подсистему семьи, основной целью которой является воспроизводство, «личностного образца» (М. Оссовская, А. П. Булкин) – культурно-исторического типа человека с характеристиками, детерминированными потребностями социума, в концентрированной форме выражающего его ценности, нормы, идеалы [13]. В свою очередь, воспроизводство «личностного образца» осуществляется посредством формирования определённого образа жизни человека (А. А. Возьмитель) на основе освоения и присвоения системы исторических надбиологических программ жизнедеятельности человека (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни [6; 8]. Таким образом, категория «родительство» предстаёт как отражение существенного и необходимого аспекта исторического развития общества и культуры, позволяет характеризовать особенности коллективного и индивидуального форм бытия, в которых выражена специфика национальной культуры.

На наш взгляд, подтверждением того факта, что современная российская культура не имеет оформленных личностных образцов родительства, является полемика вокруг проблематики кризиса семьи (Т. А. Гурко, С. И. Голод, С. Ю. Девярых, Р. В. Овчарова, К. Н. Поливанова и др.). Конечно же, кризис семьи как социального института имеет место быть, и он является, скорее, закономерным процессом трансформации.

В доказательство своей позиции обратимся к синергетической модели исторического процесса В. П. Бранского, С. Д. Пожарского. С точки зрения социальной синергетики, в основе расцвета и упадка системы ценностей лежит расцвет и упадок

соответствующего социального идеала, выполняющего роль ценностного ориентира, в нашем случае – личностного образца. Закон дифференциации и интеграции идеалов В. П. Бранского объясняет периодическую смену идеалов (духовного и утилитарного как противоположностей) и соответствующей им системы ценностей в качестве циклически повторяющегося исторического процесса [19]. Следствием распада (дифференциации) идеалов на многочисленные разновидности является исчезновение доминирующего идеала и идеологический кризис, который влечёт за собой ситуацию идеологического вакуума – равенства идеалов и антиидеалов. В такие периоды в обществе наблюдается духовно-нравственный кризис, вплоть до приоритета гедонизма. В то же время по закону самоорганизации нарастает интегративная тенденция, происходит стимуляция нового социального идеала на разных уровнях системы, что ведёт к рождению новой доминанты – социального идеала, а следовательно, установлению нового идеологического порядка и формированию новой системы ценностей [Там же].

Таким образом, кризис современной семьи и её подсистем – естественная защитная реакция социальной системы от обрушившихся на неё деструктивных тенденций. Кроме того, в период кризиса системой востребована генетическая программа-память, поскольку выбор осуществляется не случайно, а с учётом генетических склонностей системы [9].

Выводы. Анализ образа родительства в национальной традиции семейного воспитания в системе «общество – семья – родительство – человек» представлен в контексте социально-антропологической целостности, что является его операциональной характеристикой, в которой конструирование образа показано во взаимосвязи понятий, идей, свойств и отношений объектов разного таксономического уровня системной организации. Культурологический аспект потребовал обра-

щения к национальным универсалиям культуры, глубоко укоренённым в коллективном бессознательном в виде архетипических образов, сложившихся во внеличностном типе культуры, сформированных на протяжении тысячелетий в соответствии с принципами всеобщей телесности, закона всеединства, соборности, что и сказалось на дальнейшем своеобразном варианте христианской культуры вообще и идеях русской религиозной философии в отношении дискурса семьи и родительства, в частности, предвосхитивших развитие идей системной социально-антропологической целостности и «вписавших» в схему исторического процесса родового человека; представивших саму историю как способ его деятельностного бытия, таким образом, связав исторический и антропологический контексты проблемы целостности человека. Вышеперечисленное составило содержательную характеристику образа родительства. Ценностно-целевая характеристика обусловлена целью родительства – воспроизводством «личностного образца», осуществляемого посредством формирования образа жизни человека на основе освоения-присвоения системы ценностей своей культуры.

Мы солидарны с исследователями, считающими, что решение проблемы кризиса в системе общество – семья – родительство – человек в российском контексте связано с обращением к мировоззренческим универсалиям национальной культуры, обретением корней утраченных национальных традиций. Современный российский официальный и научный дискурс как о семье, так и о родителстве основывается на идее возрождения традиционных семейных ценностей, духовной традиции их понимания. По-новому оцениваются идеи родительства и семейной проблематики дореволюционной России, открываются заново идеи отечественных религиозных философов о специфике понимания сущности и цели семьи в контексте социально-антропологической целостности.

Список литературы

1. Блинова С. А. Проблема семьи в русской религиозной философии второй половины XIX – первой половины XX века: историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2013. 143 с.
2. Бондарева Я. В. Теоретико-методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2011. 325 с.
3. Вышеславцев Б. П. Этика преображённого Эроса / вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М.: Республика, 1994. 368 с.

4. Грибач С. В. Образ семьи в языковом сознании русских: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2005. 252 с.
5. Грицай Л. А. Идеалы родительского воспитания в русской традиционной культуре (на материале изучения устного народного творчества) // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. № 4. С. 53–61.
6. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. М.: Яуза: Эксмо, 2007. 512 с.
7. Евдокимова Е. А. Семья как этико-философская реальность: на материале русской литературы XIX века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05. СПб., 2002. 172 с.
8. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. М.: Акад. Проект: Мир, 2012. 252 с.
9. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: синергетическое мировидение // Синергетика: от прошлого к будущему. М.: URSS, 2014. № 20. 256 с.
10. Кондратова Г. А. Социально-антропологическая целостность в её историческом измерении: структура и генезис: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. СПб., 2007. 408 с.
11. Королев М. Г. Подготовка к родительству в народной педагогике русских и белорусов // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 5. С. 140–147.
12. Корнышова М. Н. Проблема духовных ценностей в русской философии рубежа XIX–XX веков: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Великий Новгород, 2003. 143 с.
13. Левданская Ю. Ю., Попова Н. Н. Родительство как социально-антропологическая целостность в дискурсе постнеклассической науки // Человек и его ценности в современном мире: X Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. К. Г. Эрдынеевой. Чита: ЗабГУ, 2018. С. 37–47.
14. Орлова Н. Х. Эволюция христианских воззрений на пол и брак в европейской культурной традиции: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. СПб., 2006. 403 с.
15. Рогова А. В. Идеи воспитания человека культуры в философско-педагогической мысли России и русского зарубежья: вторая половина XIX – первая половина XX вв.: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. СПб., 2004. 393 с.
16. Ромм Т. А. Историко-методологический анализ становления и развития теоретических представлений о социальном воспитании: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Новосибирск, 2007. 370 с.
17. Рудницкая Т. Ю. Проблемы семьи в светском и религиозном концептах: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Пермь, 2010. 180 с.
18. Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения). Ч. 3. Антропология (Человек и Мир: укоренена ли Вселенная в Человеке?). СПб.: Петрополис, 1999. 288 с.
19. Синергетическая философия истории / под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 105 с.
20. Соколюк Н. В. Проблема родительства в русской философской традиции // Вестник ТГЭУ. 2010. № 55. С. 119–134.
21. Фурсова В. Э. Традиции и новации в отечественной религиозно-философской антропологии целостности начала XX в. // Вестник МГОУ. Сер. Философские науки, 2014. № 3. С. 111–119.
22. Чёрная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008. 464 с.
23. Эрдынеева К. Г., Чернявская В. С. Предикторы результативности образования студентов в контексте самораскрытия их способностей // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 78–90.

Статья поступила в редакцию 03.09.2018; принята к публикации 30.09.2018

Библиографическое описание статьи

Левданская Ю. Ю., Попова Н. Н. Образ родительства в национальной традиции семейного воспитания // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Педагогические науки. 2018. Т. 13, № 5. С. 89–97. DOI: 10.21209/2542-0089-2018-13-5-89-97.

Yuliya Yu. Levanskaya¹,

Candidate of Pedagogy,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: art-koltsova@yandex.ru

Natalia N. Popova²,

Candidate of Pedagogy,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: nnp18@mail.ru

Image of Parenthood in the National Tradition of Family Upbringing

The parenthood discourse, based on the ideas of synergetics, holism and the openness of the scientific knowledge system principle from the position of complementarity, is examined in the context of post-non-classical science. The tendency of research of parenting patterns with regard to changes in culture type is shown. The authors argue the need for understanding parenting in terms of “family”, “personal pattern”, “socio-anthropological integrity” basing them on the identification of the cultural universals of these concepts in our culture and history of philosophical and pedagogical thought that actualize axiological problems based on the idea of the traditional family values revival and spiritual traditions of their understanding. Parenthood is considered as a component of the changing society systemic process and the self-realization of people in the “society-family-parenthood-human” integrity, what corresponds to the ideas of modern ontology of sociality, social reality, expressing the system integrity of various social processes in its generic historically stable invariant essence. It is concluded that the problem of parenthood is related to the resolution of questions about the integrity of an individual and its anthropological authenticity as a human being rooted in the system of national values and worldview universals of national culture, which in the Russian context can be productively solved in the context of the reception of ideas of Russian religious philosophy in modern scientific knowledge.

Keywords: culture, parenthood, family, personal example, values, social anthropological whole

References

1. Blinova S. A. Problema sem'i v russoj religioznoj filosofii vtoroj poloviny XIX – pervoj poloviny XX veka: istoriko-filosofskij analiz: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.03. M., 2013. 143 s.
2. Bondareva Ya. V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy russoj religioznoj filosofii: istoriko-filosofskij analiz: dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.03. M., 2011. 325 s.
3. Vysheslavcev B. P. Ehtika preobrazhyonnogo EHrosa / vstup. st. i komment. V. V. Sapova. M.: Respublika, 1994. 368 s.
4. Gribach S. V. Obraz sem'i v yazykovom soznanii russkih: gendernyj aspekt: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2005. 252 s.
5. Gricaj L. A. Idealy roditel'skogo vospitaniya v russoj tradicijnoj kul'ture (na materiale izucheniya ustnogo narodnogo tvorcestva) // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2012. № 4. S. 53–61.
6. Dolgov V. V. Byt i nravy Drevnej Rusi. M.: Yauza: Ehksmo, 2007. 512 s.
7. Evdokimova E. A. Sem'ya kak ehtiko-filosofskaya real'nost': na materiale russoj literatury XIX veka: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.05. SPb., 2002. 172 s.
8. Kemerov V. E. Obshchestvo, social'nost', polisub»ektnost'. M.: Akad. Proekt: Mir, 2012. 252 s.
9. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Osnovaniya sinergetiki: sinergeticheskoe mirovidenie // Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu. M.: URSS, 2014. № 20. 256 s.
10. Kondratova G. A. Social'no-antropologicheskaya celostnost' v eyo istoricheskom izmerenii: struktura i genezis: dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11. SPb., 2007. 408 s.
11. Korolev M. G. Podgotovka k roditel'stvu v narodnoj pedagogike russkih i belorussov // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. 2010. Vyp. 5. S. 140–147.
12. Kornysheva M. N. Problema duhovnyh cennostej v russoj filosofii rubezha XIX–XX vekov: dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01. Velikij Novgorod, 2003. 143 s.
13. Levanskaya YU. YU., Popova N. N. Roditel'stvo kak social'no-antropologicheskaya celostnost' v diskurse postneklassicheskoj nauki // CHelovek i ego cennosti v sovremennom mire: X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. K. G. Ehrdyneevoj. Chita: ZabGU, 2018. S. 37–47.

¹ Yu. Yu. Levanskaya – study conception, systematization and analysis of data, conclusions, drafting of manuscript.

² N. N. Popova – systematization, analysis of data, participation in manuscript drafting.

14. Orlova N. H. Evolyuciya hristianskih vozzrenij na pol i brak v evropejskoj kul'turnoj tradicii: dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.13. SPb., 2006. 403 s.
15. Rogova A. V. Idei vospitaniya cheloveka kul'tury v filosofsko-pedagogicheskoj mysli Rossii i ruskogo zarubezh'ya: vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX vv.: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.01. SPb., 2004. 393 s.
16. Romm T. A. Istoriko-metodologicheskij analiz stanovleniya i razvitiya teoreticheskikh predstavlenij o social'nom vospitanii: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.01. Novosibirsk, 2007. 370 s.
17. Rudnickaya T. Yu. Problemy sem'i v svetskom i religioznom konceptah: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Perm', 2010. 180 s.
18. Sagatovskij V. N. Filosofiya razvivayushchejsya garmonii (filosofskie osnovy mirovozzreniya). Ch. 3. Antropologiya (Chelovek i Mir: ukorenena li Vselennaya v Cheloveke?). SPb.: Petropolis, 1999. 288 s.
19. Sinergeticheskaya filosofiya istorii / pod red. V. P. Branskogo i S. D. Pozharskogo. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2009. 105 s.
20. Sokolyuk N. V. Problema roditel'stva v russkoj filosofskoj tradicii // Vestnik TGEHU. 2010. № 55. S. 119–134.
21. Fursova V. EH. Tradicii i novacii v otechestvennoj religiozno-filosofskoj antropologii celostnosti nachala HKH v. // Vestnik MGOU. Ser. Filosofskie nauki, 2014. № 3. S. 111–119.
22. Chyornaya L. A. Antropologicheskij kod drevnerusskoj kul'tury. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. 464 s.
23. Ehrdyneeva K. G., Chernyavskaya V. S. Prediktory rezul'tativnosti obrazovaniya studentov v kontekste samoraskrytiya ih sposobnostej // Nauchnoe obozrenie. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. 2017. № 6. S. 78–90.

Received: September 3, 2018; accepted for publication September 30, 2018

Reference to the article

Levdanskaya Yu. Yu., Popova N. N. Image of Parenthood in the National Tradition of Family Upbringing // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Pedagogical Sciences. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 89–97. DOI: 10.21209/2542-0089-2018-13-5-89-97.